

Виктор Венцель

Вернуть отправителю

Цикл Обскура

16+

Виктор Венцель
Вернуть отправителю

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Венцель В. Д.

Вернуть отправителю / В. Д. Венцель — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

ISBN 978-5-532-99288-7

Рождественские и новогодние праздники не всегда приносят только радость и уют. Иногда они сбрасывают нарядные маски, представая перед нами в зловещем и мрачном облачении из безысходности и отчаяния, тоски и боли, одиночества и безумия. Главному герою произведения «Вернуть отправителю» предстоит столкнуться не только с темной стороной праздника, но так же и с последствиями принятых им решений и отголосками совершенных поступков, которые нельзя похоронить или забыть. На протяжении всего повествования, герою предстоит осознать, что собственные демоны могут оказаться куда могущественнее, чем принято считать, а распутать клубок мистификаций и загадок окружающего мира будет совсем не так просто, как кажется.

ISBN 978-5-532-99288-7

© Венцель В. Д., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Пролог	6
1	8
2	11
3	17
4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Виктор Венцель

Вернуть отправителю

«Когда люди столько мужества приносят в этот мир, мир должен убить их, чтобы сломить, и поэтому он их и убивает. Мир ломает каждого, и многие потом только крепче на изломе. Но тех, кто не хочет сломиться, он убивает. Он убивает самых добрых, и самых нежных, и самых храбрых без разбора. А если ты ни то, ни другое, ни третье, можешь быть уверен, что и тебя убьют, только без особой спешки»(с)

Эрнест Хемингуэй

*Кто этот мальчик, чье лицо
Мне часто виделось во сне?
Да неужели это я? Ах, как все просто!
И я хочу тебя позвать,
Чтоб рассказать тебе, что я...
Но нет тебя и нет меня, есть только звезды(с)*

Сергей Калугин «Звезды идут сквозь нас»

Пролог

Рождество подкралось к стенам дома на Нойхаузер 126 абсолютно неожиданно и внезапно. Сперва оно топталось на подходе, напоминая о себе только в разговорах и беседах случайных горожан, затем возникло в образе гирлянд и праздничных венков, а после превратилось в билборды и рекламные щиты, развешанные по городу там и тут. От праздника скрыться непросто. Особенно от такого волшебного, как этот.

Рождество в подобные места всегда приходило издалека. Оно кралось по сонным улицам, первым снегом укрывая себе дорогу, выглядывало из книг и открыток, вспыхивало в праздничных фонариках, отпечатывалась в инее, что остаться поутру на стеклах. Когда это случилось, можно было сказать только одно – это была уже не подготовка, а настоящее наступление праздника на маленький городок.

Сонный маленький Глэкнер готовился к Рождеству – такое оживление здесь было очень редким явлением. Обычно все волнения обходят его стороной. Но только не Рождество. Рождество в Германии – общенациональный праздник. В этой стране двадцать пятого и двадцать шестого декабря являются нерабочими днями, но многие компании и фирмы останавливают свою работу с двадцать пятого по тридцать первое декабря. Сейчас закончилась последняя рабочая неделя, наполненная предпраздничными хлопотами и рождественской суетой. Во дворах переливались елки, центр города был ярко залит огнями, справа и слева по улицам, тут и там, теперь тянулись ряды маленьких киосков и магазинчиков, горящих неоновыми вывесками и яркими рекламными щитами. «С Рождеством, Глэкнер!», «Счастливых праздников!», «Скидки и распродажи!». Приближение праздника уже не просто витало в воздухе, оно уже было здесь, рядом.

Особенно это было заметно в частном секторе, напрямую примыкавшем к набережной, рядом с которой пролегал трасса в сердце города – обычно, украшать дома в Глэкнере начинают уже с первых чисел декабря. На деревьях и стенах домов вывешивают гирлянды и разноцветные фонари, а на двери жилищ помещают праздничные венки с разноцветными лентами. На подоконники выставляют светящиеся домики и деревянные фигурки. Стекла украшают рисунками снежинок и фразами пожеланий. Клеменс Тиштель всегда считал это наивной и глупой затеей, но признавал, что даже в этом есть своя прелесть, и некий домашний уют.

Так было всегда, но только не в этот високосный год, который Клеменс Тиштель совершенно не заметил. Триста шестьдесят шесть дней пронесли в одночасье, превратившись в унылую серую рутину, из которой он никак не мог выбраться. События этого года, а особенно его завершение, выбили бы из колеи и человека куда более крепкого, чем он сам. Да, конечно, он понаделал ошибок, и расхлебывать их теперь предстояло ему одному. И избавиться от этого ощущения он не мог даже в праздничную ночь. Не помогала даже его хваленая выдержка и хладнокровие, благодаря которым он сумел вырваться из нищеты в свое время – стресс последних дней был слишком велик. Оттуда и совершенные ошибки.

Рождество не задалось изначально. В довершение не выпал даже первый снег, а какое Рождество может быть без снега? Еще одна монетка в копилку неудач этого проклятого года, последний элемент, чтобы собрать единую картину проблем и выиграть бинго. Клеменс уже не мальчик, и давно перестал верить в чудеса, но в глубине души надеялся, что завтра, поутру, ничего из того, что произошло за последнее время, не будет. Оно растает, смоется, растворится и исчезнет, словно дурной сон. Он проснется, откроет глаза, поцелует Викторию, обнимет сына и просто забудет обо всем, что случилось. Как это было бы здорово!

Да уж, иначе, такой праздник надолго запомнится ему, да и его жене. Интересно, как отреагирует Виктория, когда обо всем узнает?

Клеменс сплюнул, снова закурил, уперев голову в ладонь. До него доносился детский смех, звучала музыка – рождественские мультфильмы последнее время раздражали его, поэтому он решил не подниматься к Ральфу, своему десятилетнему сыну на второй этаж. В гостиной, где перед зеркалом прихорашивалась его жена, было слишком светло, и он сидел на кухне, бесцельно глотая один стакан виски за другим. Конечно, напиваться перед тем, как отправляться в дорогу – дурная затея, но он вернулся домой не больше четверти часа назад, и никак не мог справиться с дрожью в пальцах. Или слишком замерз, или слишком перенервничал. Или и то, и другое.

Виски совсем не имело вкуса. Клеменс проглотил сдобренную льдом порцию, взглянул на часы и плеснул еще стаканчик. Кажется, стало немного теплее, и мысли в голове начали обретать более-менее осмысленные формы. Просто удивительно, как может переломиться жизнь человека всего за две недели – уму непостижимо. Прежде он писал такое только в сценариях для своих фильмов, чьи постеры украшают его рабочий кабинет на втором этаже. Но одно дело только думать, представлять, угадывать, а совсем другое – столкнуться с этим лицом к лицу самому.

Клеменс передернул плечами, отставил стакан в сторону, мутным взглядом обвел стойку минибара, натолкнувшись на миску с печеньем. Традиционное печенье с предсказанием на Рождество – это ли не банально? Он косо усмехнулся, взял одно, повертел его в руках. Печенье имело форму подковы, внутрь которой кладётся полоска бумаги с написанным предсказанием для того, кому достанется лакомство. Обычно такими вещами занимается хозяйка дома, но Клеменс знал, что Виктория уже давно не касалась вопросов готовки. Она преуспевающая модель и актриса – какое ей дело может быть до обычных семейных радостей?

Скорее всего, печенье испекла домохозяйка, или, что еще хуже, купила в ближайшем супермаркете. Клеменс разломил печенье, не заботясь о том, что добрая половина крошек летит прямо на пол, вытянул послание, повернувшись к свету, прочитал его.

«Рождественские праздники будут полны веселья и настоящих чудес!» гласила жизнеутверждающая надпись. Клеменс скомкал пожелание, швырнул его под ноги, снова налил полстакана, подождал, пока лед немного охладит напиток. Вот уж в чем, а в веселье он не сомневался. Даже наоборот, был уверен, что оно скоро начнется. Может быть, даже в эту самую ночь.

Впрочем, записки в печенье были любопытными. Он разломил еще четыре штуки, натолкнувшись на «В праздничные дни осторожность за рулем не помешает», «Зимой отношения становятся только теплее», «Для каждого найдется кусочек рая на планете» и «Совсем скоро вас с разбегу поцелует судьба». Последнее звучало совсем уже странно, но вполне соответствовало его настроению. Он посмотрел на часы, скривился, выдохнул. Время близится к полночи. Пора ехать.

Клеменс допил, неловко смел крошки со стойки на пол, нетвердо поднялся на ноги, шагнул к двери в гостиную.

– Вики, милая, – позвал он хрипло, – Выйди ко мне. Нам нужно кое-что обсудить. Срочно.

1

За дверями дома опять гулял ветер. Кажется, снегопад длился всю ночь, и теперь, первый в этом году снег лежал на замерзших ветках деревьев, укрывал продрогшие черные кусты у закрытых ворот, устилал двор тонким белым ковром, таким чистым и пушистым, что даже не хотелось оставлять на нем никаких следов. Все равно, что новый лист бумаги – напишешь хоть одну букву, нарисуешь хоть один символ – и все очарование пропадет. А неуловимое очарование и некая прелесть в первом снегу, безусловно, были. Во всяком случае, после затяжной тоскливой осени, так свойственной этим местам, белая пороша была приятным разнообразием. Не видно ни черной грязи, ни облетевших листьев – природа примеряла очередную новую маску.

Поэтому Клеменс Тиштель не спешил.

Несколько минут он стоял, опершись спиной о дверной косяк, раскуривая третью за это утро сигарету, поглядывая то на пушистое снежное покрывало, то на свинцовое небо над головой – низкие отекавшие тучи которого напирала со стороны Бринкерхофа и тяжело катились низкими валами, укутав небо до самого горизонта, насколько хватало глаз. Видимо, зима решила наверстать упущенное, и снег отныне будет частым гостем. Возможно, даже слишком частым. Эта идея была пугающей и совсем не понравилась Клеменсу. Переметет пути и перекроет дороги, а это значит, что Почтальон может не успеть добраться вовремя. Клеменс курил медленно и размеренно, раздумывая над этими вещами. Наверное, это не повод волноваться – еще никогда Почтальон не опаздывал, забирая или разнося письма в преддверии Нового Года, так с чего бы ему не прийти сейчас? Тем более, что до новогодней ночи еще четыре дня, только что закончилось Рождество, и у Почтальона хватает работы. А снег... снег это не проблема. Особенно в таких местах, как это, подумал Клеменс, кивнув себе головой. Не стоит зря волноваться и переживать по пустякам.

Он докурил, выбросил сигарету за перила, и осторожно спустился вниз, стараясь не поскользнуться на заледеневших ступенях. Снег робко поскрипывал под ногами, когда Клеменс неспешно направился к высоким железным воротам, запертым сейчас на массивный навесной замок. Ворота держали закрытыми почти всегда – всего единожды за последнее время. Смотритель открывал их, когда из дома выезжал сосед Клеменса Ленард Фидлер со своей семьей. Куда он отправился, по своей ли воле или пришло распоряжение – Тиштель не знал. Кажется, Ленард ушел, даже не собрав вещи, а в его квартире потом появился новый жилец, но Клеменса так и не потянуло на новые знакомства.

Он посмотрел на проржавевшую ограду, слегка присыпанную снегом, поглазел на крепкий замок, нанизанный на массивную цепь, даже несколько раз дернул за него, стараясь проверить на прочность, после чего только пожал плечами. Зачем нужен этот замок, когда большинству и так некуда идти, он упорно не знал. Видимо, ворота нужны не для того, чтобы не выпускать жильцов из дома, а для того, чтобы кто-то случайно не забрел сюда из города, подумал Клеменс, снова прикуривая от спички. Черт его знает, что происходит на самом деле, да и виднее всего Смотрителю.

Кажется, на самом верху ворот, где сейчас видна витая металлическая полуарка, много-много лет назад была какая-то надпись, но сейчас ее сожрала ржавчина и укрыл первый снег. Помнится, Клеменс видел ее, когда заселялся в гостиницу «Малахитовый Берег», но почему-то вспомнил о ней только сейчас. Надо будет поинтересоваться у Артура или Кевина, что на ней было изображено, если не забудет.

Рядом с воротами, прочищая дорожку в первом снегу, копошился местный работник Ханзи Эссер. Работа ему досталась не простая – быть дворником и грузчиком в таком почтен-

ном возрасте тяжеловато. Но Ханзи никогда не жаловался. Если нужно что-то перетащить или подлатать, лучше сразу обращаться к нему. Куртка тому была явно велика, а очки в роговой оправе с толстыми линзами вот-вот норовили сорваться с носа. Клеменс никогда тесно не общался с Эссером, но поднял руку в приветственном жесте.

– Угостите сигареткой, герр Тиштель? – голос Ханзи был простуженным – Мои закончились, как назло.

Немного правее ворот стоял покосившийся почтовый ящик. Время немало потрепало его, краска давно сошла и привычная ржавчина уже взялась за свое дело, но пока ящик не развалится окончательно, Смотритель и ухом не поведет – будто других проблем мало. Клеменс не без усилий открыл дверцу, с надеждой заглянул внутрь, надеясь найти хоть какое-то послание, но внутри не оказалось ничего, кроме паутины, пыли и темноты. Обычное дело – Почтальон не балует их частыми визитами, раз даже не появился на Рождество. Письма сюда приходят редко. Может быть, теряются в дороге, но Клеменс знал, что это не так. Если в ящике нет писем, значит, их просто не пишут, а валить все на Почтальона он не привык. Иногда Почтальон может ошибиться адресом, принести письмо, предназначенное жильцу другого дома, но потерять их – никогда. В это Клеменс не верил.

Он стряхнул пепел с сигареты, сунул руку поглубже, стараясь нащупать внутри хоть что-нибудь. То, что там нет ни газет, ни журналов не удивляло – Клеменс уже не помнил, когда им приносили прессу. Возможно, Смотритель решил, что это слишком дорого, и отменил подписку. Но, черт с ними, с журналами. Письма, вот, что действительно важно. Их ждет любой в этом доме, особенно накануне Нового Года или Рождества, но на этот раз ни одного известия Клеменс так и не получил. Может быть, ему повезло, и бумага вот-вот найдется, ведь письмо может завалиться к стенке ящика, такое бывает. Кажется, одно из посланий Кевина они искали чуть меньше месяца, пока не догадались наклонить ящик на бок. А Артур получил как-то сразу два, когда ветер той осенью опрокинул ящик на землю и рассыпал послания. Нужно только сунуть руку еще глубже в эту чертову коробку. Может быть, там, на дне...

Через несколько мгновений пальцы уткнулись во что-то шелестящее и мягкое. Слава небесам! Бумага! Клеменс, затаив дыхание вытянул на свет смятый конверт, тотчас перевернул его, сразу взглянул на имя отправителя и адрес – заученное многими годами движение. Каждый хочет верить, что это сообщение предназначено именно ему. Клеменс пробежал взглядом ряды неровных строчек. Первоначальный восторг и радость тут же сменились горьким разочарованием и привкусом печали. Адрес получателя верный, но вот с остальным неурядица. «Морицу Циглеру лично в руки» гласила затертая надпись, сделанная быстрой рукой. Писал это не Почтальон. Уж его почерк, полный твердых граней и ровных штрихов был знаком каждому жильцу дома. Значит, писал отправитель. Клеменс горько усмехнулся, повертел конверт в руках.

Мориц живет на третьем этаже, Клеменс давно не видел его. Может быть, съехал, а может быть, стал совсем плох и не выходит из своего номера. Тем не менее, ему можно только позавидовать. Из сорока номеров в доме письмо пришло только ему одному. Клеменс прошипел проклятие, поглазел на смятый конверт и сунул его в боковой карман куртки. Нужно занести письмо Морицу, когда он будет возвращаться к себе в комнату. В отчаянии Клеменс заглянул в пустой ящик, даже наклонил его, надеясь, что выпадет еще один забытый конверт, но попытки так и не увенчались успехом.

Клеменс распрямился, установил ящик понадежнее, выдохнул дым, разгоняя его рукой. Не повезло на этот раз, значит, повезет в следующий. Такое уже бывало, и даже не раз.

Он зажал сигарету краем губ, чтобы дым не летел в глаза и сунул руку во внутренний карман куртки и вытащил свой конверт. Это письмо он писал сегодня утром. Хотел заняться им пораньше, но руки так и не дошли. Клеменс повертел бумагу в руках, проверяя правильность заполнения бланка, провел пальцами по листу, расправляя невидимые морщинки, окинул его

взглядом, и остался доволен. Привычный белый конверт с адресом на обратной стороне, он опустил в прорезь почтового ящика, помедлил мгновение и закрыл дверцу до упора. Если повезет, и снег не переметет дороги, то сегодня же письмо будет в пути. Как раз дойдет к Новому Году, хотя он мог поспорить, что это произойдет быстрее. В Глекнере все происходит слишком быстро.

Клеменс застегнул куртку, поправил капюшон, несколько минут смотрел на начинавшийся снег, сыпавшийся из небесной перины. Он выбросил сигарету, закурил новую и неспешно направился в дом, поеживаясь от пронизывающего ветра.

2

Раньше первый этаж дома занимали только комнаты уборщиков и прислуги. Сказать, что штат сотрудников был большим, Клеменс не мог. На сорок номеров приходилось несколько служанок, пара официантов, кухарка, охранник на входе, Управляющий на ресепшине, да Смотритель в своем кабинете по правую руку в конце коридора. Как ему доводилось слышать, были еще чернорабочие, занимавшиеся ремонтом номеров, но за все время проживания в гостинице, Клеменс никогда не сталкивался с ними. Оставался только Ханзи. Или большинству жильцов было плевать на условия, в которых они живут, или стройка прошлого века была настолько качественной, что ничего не рушилось, не ломалось и не трещало по швам. Впрочем, Клеменс сильно в этом сомневался. В старой части Глекнера полно обветшалых, полуразвалившихся зданий – и никому до них дела нет. Вероятно, дом изредка реставрируют, и последний раз ремонт был перед его приездом.

Справедливости ради, стоит сказать, думал Клеменс, что и сейчас проблем хватало. Где-то перемерзала вода, постоянно моргало электричество, с хозяйским видом гуляли сквозняки из стороны в сторону, а на верхние этажи, вот уже несколько дней не поступало тепло.

Клеменс мрачно глянул в сторону кабинета в конце коридора, где располагалась личная комната Смотрителя. Учитывая его характер, нет ничего удивительного, что большинство жильцов предпочитают молчать о своих проблемах.

Сейчас первый этаж практически пустовал. Ресепшн давно покрылся пылью – кажется, за стойку не заходили с тех самых пор, как ушел Управляющий. Постояльцев в доме осталось немного, а новых соседей Клеменс мог пересчитать по пальцам – старый город Глекнер перестал пользоваться спросом еще в середине прошлого века, так что неудивительно, что о городе теперь просто забыли. За последний месяц вселилось несколько стариков да две молодые семьи, выбравшие номера на восьмом или девятом этаже, под самой крышей. Клеменс жил на первом, и часто слышал детский смех, доносившийся через тонкие потолки над головой – видимо, только детям и было весело в этих четырех стенах. Сам же он не любил ни эту гостиницу, ни свой номер. В нем было слишком холодно и пусто, чтобы поддерживать уют, а холод и пустоту Клеменс не выносил. Тем не менее, за все годы, прожитые здесь, свыкся и привык. Уж лучше, когда у тебя есть хоть такая крыша над головой, чем оказаться на улице под декабрьским ветром и снегом.

Именно по этой причине, много лет назад, Клеменс и оказался в этой обветшалой гостинице на окраине города.

К этому году из прислуги остались только уборщица, да кухарка. Из владельцев только Смотритель. Штат сотрудников был расформирован, как думалось Клеменсу, в связи с недостатком финансирования, и он был уверен, что гостиницу ждет неизбежный конец. Охранник у дверей машинально махнул ему рукой, не желая отрываться от книги, когда Клеменс отбивая с ботинок снег, переступил через порог. Клеменс никак не мог запомнить имя этого типа в черном свитере и вылинявших джинсах, чопорно обращавшегося к нему «герр» и бесконечно читающего дешевые бульварные романы. К чему сводилась работа охранника, тоже было загадкой – посетители здесь бывали крайне редко, а новые жильцы заезжали в номера только с согласия Смотрителя.

– Решили навестить соседей, герр Тиштель? – голос Охранника был неприятным, глухим и простуженным. Он отложил книгу в сторону, и теперь мрачно уставился на Клеменса, когда тот миновал дверь, ведущую в жилое крыло первого этажа, – Вы же знаете правила: посещение других жильцов только с согласия Смотрителя.

– Я нашел письмо, адресованное Морицу Циглеру, – неприязненно отозвался Клеменс, вынимая конверт из кармана, – Думаю, большой беды не случится, если я передам его ему.

Усталое лицо Охранника не дрогнуло, оставаясь все такой же мрачной маской.

– Только в виде исключения, герр Тиштель, – вздохнул он наконец, – Дверь на третий этаж должна быть открыта. Если же нет, то оставите письмо у меня на обратном пути. Смотритель лично передаст его герру Циглеру.

Клеменс пробормотал что-то весьма уклончивое, отряхнул снег с куртки и неспешно направился в сторону тяжелой обветшалой лестницы, занимавшей добрую треть холла. Лестница казалась слишком широкой и неуместной – никак осталась после реконструкции. Впрочем, что находилось на месте дома раньше, Клеменс не знал. Скорее всего, чей-то особняк или, может быть, пансионат. Прежде ему редко доводилось бывать в старой части города, поэтому сказать наверняка он не мог.

В холле царил угрюмая тишина, прерываемая только шелестом страниц, да тяжелым дыханием Охранника. Клеменс задался вопросом, покидал ли тот вообще свой пост, или ночевал точно так же, сидя посреди коридора? Ответа на этот вопрос у него не было, потому что Смотритель запретил им покидать свои номера после полуночи. С чем связана была такая мера предосторожности, оставалось только гадать, но Артур, его старый знакомый, не так давно предположил, что Смотритель давно уже двинулся умом. На самом деле это многое объяснило бы из установившихся правил и законов, большинство которых были откровенно глупыми и абсурдными.

Он миновал первый лестничный пролет, разглядывая блеклые бледно-зеленые обои, которыми был обклеен весь дом изнутри. Сырость немало потрудились над ними – тут и там обои вздувались пузырями, а сверху, прямо над головой, они давно отошли от кирпичных стен и свисали неопрятными лоскутами, среди пыли и паутины. Здесь было холодно. Холоднее, чем в других помещениях дома – трещины в старых рамах впускали ветер, и получался сквозняк, старательно выдувавший отсюда всякое тепло. Клеменс невольно поежился, поднимаясь, ступень за ступенью вверх.

Второй этаж дома не слишком отличался от первого, разве что обставлен был немного беднее. Когда-то здесь располагалось десять номеров, но сейчас занятых квартир оставалось только три. Кто-то съехал в другие комнаты, кто-то получил распоряжение. Новые жильцы здесь появлялись редко. Дверь в коридор была привычно заперта на крепкий замок. Ради интереса Клеменс дернул за ручку, но так и не добился успеха. Он успел подумать, что лично не знал никого, кто бы жил на втором этаже, прежде чем подняться выше.

Клеменса мало интересовали новые лица. Его круг общения замыкался на пяти-шести людях, можно сказать, соседях, живущих с ним под одной крышей. За все прошедшее время он привык к своему номеру, и покидал его совсем изредка – разве только для того, чтобы отправить письмо, или немного прогуляться по внутреннему двору дома. Какие еще развлечения можно найти, живя на окраине?

Клеменс преодолел третий лестничный пролет и остановился у следующего этажа.

Цифра «3», выведенная красной краской прямо по облезшей стене, мозолила глаза, когда он остановился прямо напротив приоткрытой двери. Коридор по ту сторону был залит тусклым желтым светом. Двери в номера тянулись по обеим сторонам, одинаковые и безликие, словно точные копии друг друга. Ни номеров, ни отличительных знаков. Такие уж правила в доме. Ни дверных ручек, ни глазков, ни замочных скважин. Во всяком случае, на третьем этаже уж точно.

Здесь было гораздо теплее, чем на нижних уровнях и Клеменс расстегнул куртку, проходя по коридору вперед. У Морица ему доводилось бывать лишь единожды, но третью слева дверь он запомнил точно, хотя та ничем не отличалась от предыдущих – такая же пустая, серая и бесцветная.

Клеменс бережно вытащил конверт из кармана, разглядел его, кашлянул в кулак, прочистив горло, и осторожно постучал. В гостинице не принято ходить друг к другу в гости – для этого должно произойти что-то действительно важное и серьезное, поэтому он сейчас чувствовал себя неловко. Кто его знает, как Мориц реагирует на незваных визитеров. На первый стук не ответили, как на второй, и даже на третий. Клеменс еще несколько минут потоптался на месте, собираясь уходить, прежде чем уловил за дверью тихие шаги. Шаги приблизились, что-то лязгнуло, словно старый проржавевший засов и нехотя ушло в сторону. Дверь медленно отворилась.

– Не ожидал тебя здесь увидеть Клеменс, – Сказал он вместо приветствия. Голос Морица был таким же невыразительным и бесцветным, как кусок картона, – Что-то случилось? Или ты заглянул просто так? Неужели Смотритель дал разрешение?

– Я нашел твое письмо в ящике, вот и решил его занести, – отозвался Клеменс извиняющимся тоном, протягивая белый конверт, – Кажется, на Рождество приходил Почтальон. Только мы его не заметили.

Мориц недоверчиво покосился на него, взял бумагу в руки, внимательно перечитал адрес и имя на обратной стороне. Хмурое лицо его на мгновение просветлело, глубокие морщины разгладились.

– Проходи, не стой в дверях, – произнес он, и голос его наконец-то ожил, – Если бы ты только знал, как долго я не получал писем.

Мориц был на десять лет старше Клеменса, но выглядел уже глубоким стариком. Всю свою жизнь он прожил в Бринкерхофе, орудуя ломом и киркой в шахтах, добывая уголь и руду, пока окончательно не подорвал свое здоровье. Он рано вышел на пенсию, и они с женой переехали в Глекнер, этот некогда курортный город, двенадцать лет назад, где врачи поставили его супруге неумолимый диагноз – рак. Минул год, и Мориц остался совсем один. Когда-то он говорил, что у него есть две дочери – одна в Берлине, другая в Дюссельдорфе, но видимо, ни одна из них не пожелала помочь своему отцу. Тогда Мориц продал свою квартиру в центре Глекнера и страшно запил. От алкоголя он отказался совсем недавно, когда приехал в отель на окраине старого города и с тех пор почти не выходил из своей комнаты. Как и обещал Смотритель, порядки, установленные под этой крышей, надежно излечивают любого от вредных привычек. Мориц был ярким тому подтверждением.

Внутри оказалось бедно, но опрятно, и даже уютно. Планировка комнат была точно такой же, как у Клеменса, исключая только маленькое помещение, вроде кладовой, прямо возле шкафа. Жесткая пружинная кровать в углу, широкий стол – по совместительству и письменный, и обеденный, несколько тумбочек и допотопный телевизор – обязательный атрибут каждого номера в гостинице, заботливо вытертый от потеков и пыли. Мориц за своими вещами следил очень внимательно.

Клеменс стянул ботинки, снял куртку, аккуратно повесив на крючок у входной двери, и неспешно прошел в зал, следуя за хозяином. Мориц махнул рукой в сторону массивного кожаного кресла с вытертыми подлокотниками и исчез на кухне, набирать чайник. Клеменс сел, откинулся на спинку, внимательно оглядываясь кругом. Он задержал взгляд на единственной фотографии, висящей в деревянной рамочке на стене. Слишком уж сентиментально она смотрелась в этом номере.

– Это Херта и Катарина, мои дочери, – коротко пояснил Мориц, снова появляясь в комнате, – Последнее их совместное фото, прежде, чем я переехал. Они прекрасны, правда?

– Правда, – искренне согласился Клеменс, разглядывая снимок, – Письмо от них?

– От Катарины, – нехотя ответил Мориц, пожав плечами, – Рад, что хоть она меня помнит. Но конверт я вскрыю потом, если ты не возражаешь.

– Конечно, – отмахнулся Клеменс. Присутствовать при чтении чужих писем было верхом нахальства для любого из жильцов дома. Даже Смотритель всегда уходил, вручив конверт, чтобы оставить человека наедине с самим собой, – Послушай, я все понимаю. Если хочешь, я могу зайти позже...

– Нет, останься, – проговорил Мориц так поспешно, что Клеменс даже удивился, – Я рад, что ты зашел. Я как раз хотел поговорить с тобой.

– Да? И о чем же?

– Ты часто получаешь письма, Клеменс? – спросил Мориц в ответ, словно не расслышав его последнего вопроса. Вопрос этот прозвучал отстраненно и холодно.

– Нет. Вернее, уже нет. Знаешь, кажется, в первое время письма шли одно за другим, как это обычно бывает, – ответил он, пожав плечами, – От жены и от сына. Сейчас совсем редко. Раз или два в месяц, как повезет.

Клеменс не привык врать и чувствовал себя неловко. Письма от родных. В отличие от остальных жильцов дома о таком он мог только мечтать. Или Вики с Ральфом совсем забыли о нем, или... Он запретил себе об этом думать, стараясь сосредоточиться на словах собеседника. Говорить по душам не слишком входило в его планы.

– Видимо, ситуация у нас у всех схожая, – мрачно заметил Мориц, холодно ухмыльнувшись, – Всем плевать на каком этаже ты живешь. Рано или поздно о тебе все равно забудут. Я слышал, что ты пишешь письма почти каждый день. И как? Помогает?

– Ты же знаешь, что бывает, когда письмо игнорируют? Приходит обратно со штампом «Вернуть отправителю». Поэтому с письмами мне не везет. И все же, о чем ты хотел поговорить со мной? Уж точно не о письмах, как я понимаю?

Мориц кинул взгляд на письменный стол в углу, указывая на горку мелких листов бумаги у края. Взгляд этот был слишком красноречив, но прежде, чем Клеменс успел вставить хоть слово, тот ушел на кухню и вернулся с двумя полными чашками горячего черного чая – один из нескольких напитков, которые еще можно было обнаружить в доме. Свой запас Клеменс давно уже прикончил, поэтому теперь чай был приятным разнообразием.

– Как ты уже понял, дружище, вчера утром мне принесли распоряжение, – хмуро проговорил Мориц, осторожно установив свою кружку на краю ветхой полки с книгами, – Примерно в восемь. Значит, минули сутки. У меня есть еще двадцать четыре часа, чтобы собрать вещи до прихода Смотрителя, а дальше – будет видно.

Клеменс не любил эти темы. Они всегда угнетали и пугали его, заставляя чувствовать себя беспомощным и загнанным в угол. Он поджал губы, поставил кружку на подлокотник, старательно ища подходящие слова, но найти их, никак не мог. Даже само слово «распоряжение» отдавало чем-то напыщенным, тяжелым и мрачным, как могильная плита.

– Есть мысли, почему распоряжение вручили именно тебе? Это что, такой подарок на Рождество? – спросил он, наконец, когда мысли немного обрели смысл и выстроились в ровную стройную цепочку, – В любом случае, послушай меня, ты же знаешь, что распоряжение – это еще не конец. Тебя просто переведут из этого номера в другой. Может быть, предложат работу или условия получше. Может быть, в твоём новом номере даже по телевизору будут показывать хоть что-то, кроме этой религиозной чуши.

– Ты знаешь многих, кто возвращался, или давал о себе знать после распоряжения, Клеменс? – хмуро поинтересовался Мориц, отпив из кружки маленький глоток, – Конечно же нет, потому что таких людей никто из нас не встречал. Или таких людей просто нет. Но мы говорим сейчас не об этом. Смотритель придет ко мне завтра, и с этим ничего не поделаешь. Я давно готов к этому, но...

– Но? – спросил Клеменс осторожно, – Но, что?

– Я хотел поблагодарить тебя и попроситься, – Мориц выглядел разбитым и напуганным. Клеменс успел подумать, что никогда прежде не видел его таким, – Шесть лет, которые я прожил здесь – это долгий срок. Ты был хорошим соседом. И другом, Клеменс.

– О, прекрати. Ты говоришь так, как будто распоряжение – это смертный приговор, не иначе. Хотя оба мы знаем, что это совсем не так. Такие бумаги получают все жильцы...

– Ну, значит, теперь пришло и мое время, – пожал плечами Мориц, снова сделал глоток, – Но я точно знаю, что называть эту гостиницу домом – было не правильно. Правильнее будет назвать его психушкой или тюрьмой. За все время я ни разу не выходил за пределы этого двора, Клеменс. И даже не потому, что мне больше некуда идти. Просто я знаю, что меня не отпустит ни Смотритель, ни Охранник.

– Не думаю, что кто-то будет задерживать тебя силой, – отмахнулся Клеменс, но вышло это не слишком-то убедительно, – Я уверен, что...

– Что после распоряжения людей выписывают из их номеров прямо на кладбище, – мрачно закончил Мориц, сделав еще один маленький глоток, – Тем самым освобождая место для новых постояльцев. Это какой-то социальный эксперимент, или что-то в этом роде, помани мое слово.

– Тогда объясни, зачем это нужно? За проживание в Пансионате не берут ни марки. Это скорее центр социальной помощи, нежели гостиница, как я думаю, Мор. Может быть, уместнее даже сказать – пансионат. В чем их выгода? Тем более, что если посчитать по этажам, большинство номеров пустуют. Какой им смысл избавляться от тебя?

– Когда я об этом узнаю, то уже не успею рассказать тебе, Клеменс, – вздохнул его собеседник, – Вспомни Вальтера, вспомни Кристофа, когда они получили распоряжения.

– Вальтер почти не выходит из своего номера, а Кристоф был болен, Мор. Да и Вальтер помешался на теориях заговора. Вспомни сам, о чем он говорил и рассказывал. Уверен, что его отправят на принудительное лечение в какую-нибудь клинику, как придет время. Их, как минимум, две по городу.

– Знаешь, Клеми, мы наверное все здесь немного сумасшедшие. Вот нас и держат под замком, – усмехнулся Мориц, но усмешка вышла грустной, – А почему ты здесь, Клеменс? Разве у тебя нет семьи? Или ты болен? Почему ты переехал сюда?

– Не помню точно, но, кажется, я здесь уже не меньше шести лет, – Клеменс нахмурился, с отсутствующим видом баюкая кружку в ладонях, – У меня есть жена и взрослый сын, но...

– Но ты предпочел жить здесь? В этой грязной дыре?

– Так сложились обстоятельства, Мор, – признался Клеменс, и сам испугался своих слов, – Не могу сказать точно, что случилось, но так было надо. Помню не все. Вернее, всегда помнил, а сейчас забыл. Странное ощущение... черт.

– Никто из нас толком не помнит, – проговорил Мориц – Я знаю, что был алкоголиком, и моя жизнь здесь с этим неразрывно связана. Но почему я здесь – не могу вспомнить до конца, хоть убей. Может, мои дочери и отправили меня сюда. А теперь присылают письма, где хвалятся сытой жизнью, понимаешь? Просто это было так давно, что я не могу сказать точно... Но эта гостиница... Как давно ты видел уборщиков, поваров или Управляющего?

– Не знаю. Давно. Кажется.

– И я не знаю, – вздохнул Мориц, разведя руками, – Но говорить здесь уже не о чем. Думаю, я не смогу заглянуть к тебе завтра, после прихода Смотрителя, но я попробую отослать письмо. Если, конечно, с того света можно отправить весточку.

– Прекрати, – огрызнулся Клеменс в сердцах. Кружка чая, шатко установленная на подлокотнике кресла, с мелодичным звоном слетела прямо на пол. На бежевом ковре проступило солидных размеров ароматное темное пятно, – Черт, прости. Я не хотел... Есть тряпка или бумага...

– Не обращай внимания, – отмахнулся Мориц, улыбнувшись, – Это уже не играет роли. Если нужно –можешь взять на столе. Там нет ничего важного.

Клеменс промолчал. Документы на столе, разорванные в клочья, слабо годились для уборки, тем не менее, он вытянул несколько листов. Прежде чем вытереть ими лужу, Клеменс бросил взгляд на верхний лист – измятый и скомканный. Шрифт печатной машинки Смотрителя он узнал сразу же, но различить сумел только несколько уцелевших предложений «... освободить номер 308 в ближайшие сорок восемь часов. Согласно правилам, установленным в гостинице, Смотритель придет за вашими вещами к восьми часам двадцать восьмого декабря. Весь багаж будет переправлен по вашему новому месту жительства. Подпись. Дата» Немного ниже значилось чуть более мелким шрифтом: Гостиничный сервис «Luxus International Малахитовый Берег». Клеменс поднял взгляд на Морица, но тот не сказал ни слова.

3

Клеменс спал плохо. Уснул слишком поздно, даже не смотря на то, что свет выключили на этаже ровно в десять часов. Кажется, он дремал, но бодрости это не принесло, и за всю ночь, сомкнул глаза не больше, чем на пару часов. Теперь, лежа на жесткой койке, привинченной к полу проржавевшими болтами, он долго созерцал низкий потолок. Невысокий, горбатый, покрытый вздувшимися пузырями отсыревшей извести. Нежно-голубой цвет, добавленный к белилам, почему-то вызывал раздражение. Он полусонно поводит взглядом из одного угла в другой, отмечая про себя свисающую пыльную паутину и неровный узор трещин над головой, затем уставился на засиженный мухами дешевый плафон. Тоже голубой. И свет, который на него лился из маленького окна, тоже был голубым. И лился он на голубые стены.

Кому пришло в голову перекрашивать палату в такие оттенки, он не знал, да и не хотел думать. Когда ты пациент психиатрической лечебницы мало кого интересуют твои вкусы и предпочтения. Он подтянул жесткое стеганое одеяло немного повыше, стараясь устроится поудобнее, но только заработал мигрень, упрямо засеваю глубоко в голове.

Слабость, пришедшая сразу после пробуждения, мешала даже повернуть голову, чтобы оглядеться вокруг, поэтому он долго и скрупулезно созерцал уродливый пыльный потолок, как ребенок, разглядывающий яркую картинку.

«Даже слишком яркую, – подумал он про себя, осознавая, как тяжело и натужно ему дается каждая новая мысль, – Какой нелепый цвет. Просто удивительно, что никогда прежде не обращал на него внимания. Если двенадцать процентов населения земли видят черно-белые сны, могу ли я теперь видеть сон в голубых тонах? Очень подробный, полный и насыщенный сон, какие обычно никогда мне не снятся?»

Клеменс знал, что не спит. За годы, проведенные в лечебнице, он научился хорошо ориентироваться в своих реалиях и мыслях. Есть палата, выкрашенная в голубой цвет. Есть больная по имени Клеменс Тиштель. Есть психиатрическая больница на окраине города Глекнера, где он пребывает сейчас на амбулаторном лечении. А все остальное – только кажется. И именно по этой причине он оказался здесь.

Неплохо бы узнать, который сейчас час, но часы, бижутерию, карманные мелочи не дозволялось проносить в палаты больных. Клеменс покрутил головой, прислушался, надеясь различить шаги или голос санитаров, но так и ничего и не услышал. Судя по тому, что за маленьким оконцем, забранным ржавой решеткой под потолком виден кусок темно-синего неба – еще только раннее утро. Зимой всегда светает поздно.

Следующая идея пришла откуда-то из-за стены. Медленно проползла через каменную кладку, скользнула по голубой краске, плюхнулась на кровать ленивым слизняком, и потекла вперед, к голове. Он мог почти физически ощущать приближение новой мысли. Обрывки слов и разговоров отчаянно металась где-то глубоко внутри, как стая потревоженных птиц, нехотя собираясь в стройные ряды. Мысль добралась до шеи, поднялась к виску, медленно вошла внутрь, точно остро заточенное лезвие.

«Вчера днем я разговаривал с Морицем Циглером из триста восьмой палаты, – подумал он, отчаянно стараясь вспомнить моменты минувшего дня, – Он получил распоряжение от Главного Врача. Сегодня утром его должны перевести из нашей лечебницы. Но только куда? Может быть, он уже шел на поправку и его скоро отпустят домой, к его любимым дочерям? Как же их звали... Кажется, Херта и Катарина. Может быть, Мориц, действительно, выздоровел?»

Это казалось почти невероятным. Клеменс вспомнил осунувшееся бледное лицо приятеля, грязную застиранную одежду больного, кипу рецептов лекарств, оставленных на пись-

менном столе. Все это он видел вчера, когда заглянул в его палату, обнаружив в ящике, во время прогулки, очередное письмо.

Откуда-то из темноты неизвестности возникла новая мысль. В отличие от первой, она пробежала на тонких острых ножках, отчаянно стуча по каменной стене, прыгнула на подушку и подкралась к левому виску. Клеменс ощутил, как она раздирает кожу, стараясь пробиться внутрь, затем что-то щелкнуло внутри и все прекратилось. Мысль медленно вставала перед глазами.

«Письмо. Я должен написать и отправить письмо, – подумал он, протирая лицо ладонями, – Сегодня двадцать восьмое декабря. Если успею до прогулки на обеде, то Почтальон успеет принести его до Нового Года. Все остальные, кто еще может писать, наверное, уже отправили весточки родным. Интересно, смогу ли я написать хоть что-то в этой полутьме? Впрочем, если поставить стол чуть ближе к окну...»

Клеменс сел, устало разглядывая бедное убранство своей палаты. Голый дощатый пол холодил босые ступни. Четыре угрюмых стены, крохотное окно, до которого даже не дотянуться рукой, продавленная старая койка, маленький письменный столик, громоздкая железная дверь и тумбочка с уродливым допотопным телевизором в углу. Телевизор Клеменс даже не включал последнее время – все равно, сигнал ловил он скверно, а если и получалось настроить канал, на нем неизменно велись какие-то околорелигиозные диспуты и беседы, да изредка транслировали хор. Как это должно было помочь больным обрести рассудок, Клеменс не знал, и даже не догадывался, используя этот старый хлам, как подставку под книги. Единственное, что здесь было в достатке – это книги. Клеменс слышал, что их хранили в архиве, но больным туда был запрещен вход, так что приходилось обращаться за помощью к санитарам и медсестрам. Благо, что очередь за ними не стояло, и эту просьбу всегда исполняли охотно.

Клеменс встал на ноги, зябко кутаясь в свое привычное больничное облачение. Гардероб состоял из застиранной одежды бледно-голубого цвета, скроенной на манер тюремной робы. Широкая рубашка с парой оторванных пуговиц и просторные штаны, судя по всему, за свой долгий век сменили ни один десяток хозяев, но Клеменс даже не обращал на это внимания.

Он сделал несколько шагов, разминаясь после непродолжительного сна, поглазел на забранное решеткой и укрытое запыленным стеклом маленькое окно, наблюдая, как падают и блекнут последние звезды, после чего направился к столу, покачиваясь из стороны в сторону. И все-таки, ему снова не повезло – стол оказался привинченным к полу, как и койка в углу. Клеменс опустил на колено, пытаясь отвинтить болты, но шляпки оказались неровно и угловато срезаны. Он мрачно застыл на месте, опираясь рукой о край и размышляя, что ему теперь делать дальше.

Третья мысль порхала под голубым потолком, билась в паутине, как угодивший в плен мотылек, шныряла по углам, раскачивалась из стороны в сторону. Она неумело спикировала ему на плечо, повозилась у левого уха и торопливо заползла в висок, вызвав очередной приступ головной боли.

«Нужно подождать, пока не будет достаточно светло, – подумал он внезапно, и был даже поражен такой ясной идеей, – Если за окном тают звезды, значит и до рассвета не далеко. И уже скоро солнечный свет зальет палату, и я смогу написать письмо. Нужно просто сесть и ждать. Приготовиться»

Он медленно опустился за стол, придвинул стул так, чтобы удобно можно устроиться и откинулся на спинку. Привычные два листа чистой разлинованной бумаги, конверт и одинокий карандаш оказались прямо под его рукой. Клеменс положил руки перед собой, глубоко вздохнул, и закрыл глаза.

4

В восемь часов за ним, как обычно пришли. Сперва вспыхнула тусклая лампочка в голубом пыльном плафоне, затем послышался шум шагов, и раздались голоса. За годы проведенные в лечебнице, Клеменс научился различать персонал и мог поименно назвать тех, кто придет сегодня проведать больных. Первыми появлялись санитары. Все, как на подбор, это были крепкие молодые люди в снежно белых костюмах с одинаково каменными лицами, точно сошедшие с какого-то глупого пособия. Разговаривали они мало и в палаты почти не заходили, ограничиваясь только быстрым взглядом через маленькое решетчатое окошко, установленное в двери.

Клеменс никогда не слышал, чтобы из лечебницы кто-то сбегал, но правила, установленные Главным Врачом, соблюдались с рьяностью законов в светском государстве. Если говорить более точно, то лечебница имени Медарда Баума, по сути своей, являлась именно своеобразным государством в государстве. Маленькой страной внутри страны, полной жителей и бюрократии.

Вторыми появлялись медсестры. Хрупкие невысокие девушки в белых халатах, разносящие лекарства и чистые вещи, если в тех возникала нужда. Разговаривали они больше, но только и исключительно на рабочие темы – у Клеменса возникала мысль, что те даже живут с больными под одной крышей, так часто он сталкивался с ними изо дня в день.

Третьим приходил один из докторов. Конечно, ни Главный Врач, мрачный кабинет которого находился в дальнем конце общего коридора, а простой специалист по психиатрии. Они задавали вопросы, заставляли проходить тесты и что-то непрерывно чиркали в своих планшетах, сурово нахмурив брови. Добиться от них хоть какой-то информации Клеменсу так и не удалось. Он несколько раз за последнее время интересовался историей своей болезни, прогрессом лечения, но так и не получил никакого ответа. Тогда Клеменс прекратил попытки и стал ждать. Как обмолвился один из докторов, такой информацией владеет только Главный Врач, а к нему можно попасть только через распоряжение – документ огромной важности, получения которого больные жаждали и боялись.

Что такое это пресловутое распоряжение не знал ни один из них. А тех, кто становился счастливым обладателем этой важной бумаги, спросить было уже нельзя – их больше никто никогда не видел, а попытки разузнать об их судьбе у медперсонала заканчивались отправкой на минус первый этаж, где содержались, как ходили слухи, тяжелобольные, в своих одиночных карцерах. В подвале, как называли больные это место между собой, Клеменс никогда не был, и не желал узнавать, что там происходит на своей шкуре. Хватало разговоров среди пациентов о нечеловеческих опытах и чудовищных экспериментах, которые проводили над несчастными, оказавшимися там. Клеменс хоть и не слишком доверял этим слухам, но и не мог считать их бредом. Может быть, его рассудок и поврежден, но все же, не на столько, чтобы так рисковать.

Последним посетителем палат был Охранник, совершающий утренний и ночной обходы. Он проверял насколько прочно закрыты замки и все ли больные на местах – не слишком сложная работа. Не смотря на долгий срок лечения, Клеменс никогда не мог запомнить его имени. Впрочем, память в последнее время постоянно подводила его.

Когда за дверью раздался лязг железного запора, Клеменс уже сидел за своим маленьким письменным столиком, держа в руках уже заклеенный конверт с письмом. Работу он закончил около часа назад, но никак не мог заставить себя вернуться в пропахшую потом и сыростью жесткую кровать. Он поднял взгляд на вошедшую медсестру и кивнул головой в знак приветствия. Вертевшийся в голове вопрос так и норовил сорваться с языка. Клеменс поднялся, прижимая к груди письмо, коротко взглянул на девушку.

– Доброе утро, – произнес он хрипло, – Если можно, я хотел бы узнать...

– Все вопросы к доктору, герр Тиштель, – холодно отозвалась медсестра, – Вы же знаете, мы не уполномочены...

– Один вопрос. Всего один. Мориц Циглер... Он получил распоряжение. Его перевели из лечебницы?

– Герр Циглер был выписан из лечебницы, Клеменс, – понизив голос ответила девушка, окинув его взглядом, – Это все, что известно мне, и то, что нужно знать вам. Понимаете?

– Понимаю, – тихо ответил Клеменс, а спустя секунду добавил, – Это все, что я хотел знать. Спасибо.

Каждое утро в лечебнице начиналось с приема лекарств. Клеменс не знал их названий, не разбирался в дозировках, не понимал длительности курса, но покорно принимал таблетки, капсулы, драже и порошки, запивая их несколькими глотками безвкусной воды ежедневно. Какое действие они оказывали на его неокрепший разум, он не представлял, да и не чувствовал разницы. В любом случае, прием медикаментов был необходим, если не хочешь оказаться на минус первом этаже, среди настоящих безумцев – очень суровая, но действенная мера пресечения. Он проглотил красную пилюлю, поморщился и вернул пустой стакан девушке.

Каждодневный моцион завершен, можно было выходить в общий зал. Здесь больные занимались своими делами, читали, общались, даже смотрели бесконечные религиозные передачи, от которых Клеменсу сводило скулы.

Сколько пациентов находится в лечебнице, Клеменс мог сказать только относительно: мужское отделение включало плюс-минус двадцать человек. Как объяснили доктора, когда Клеменс оказался здесь впервые, за решетчатым забором с южной стороны находится женское отделение, с запада – детское. В центре двора – старый заросший сад. Никаких контактов с больными противоположного пола. Когда такое говорили врачи, пациентам приходилось верить на слово: общие прогулки были строго под запретом, а попытки пробраться на соседнюю территорию карались жестоко и беспромедлительно. Слухов про соседние здания было множество, но фактов было преступно мало. Верить рассказам сумасшедших Клеменс не привык, а после и вовсе, махнул на эту тему рукой. Все, что оставалось у него это его палата с голубыми стенами, да письма, скрупулезно и старательно написанные на листе белой бумаги. Все остальное находилось на грани объективной реальности, и переставало существовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.